

Раньше из-за инцидента с трендами поиска у молодого актера Чэн Линя возникли претензии к Тан Цюю, который сейчас также находился в съемочной группе.

Увидев, как Гуань Янь и Тан Цюй вошли вместе, хотя они и не общались, разве можно было считать, что между ними нет никакой связи?

— Сестра Чжан, почему Тан Цюй здесь, да еще и с Гуань Янем! Ты же говорила, что он точно не появится здесь!

У Сестры Чжан мелькнули некоторые догадки, но ведь это был Гуань Янь, и она не могла рассказать об этом Чэн Линю, иначе его язык мог навлечь беду на многих.

— Возможно, он пришел навестить кого-то, это же вполне нормально.

Чэн Линь пристально посмотрел в сторону Тан Цюя и Гуань Яня.

Почему Тан Цюй может свободно общаться и смеяться с Гуань Янем, а он вынужден терпеть такое обращение?

Изначально гримерная Тан Цюя была отделена от гуань Яня, но последний заявил, что у Тан Цюя мало сцен, и настоял на том, чтобы они находились в одной гримерной.

Пока они гримировались, кто-то постучал в дверь.

Чжан Юн подошел открыть и увидел у входа молодого парня с приятной внешностью.

Однако Чжан Юн, обладая богатым опытом общения с людьми, сразу понял, что у этого парня были скрытые дурные намерения.

Увидев, что открыл не Гуань Янь, парень отступил на шаг:

— Это не гримерная учителя Гуаня?

Его голос был не слишком громким, но достаточно, чтобы его услышали внутри.

Но все внимание Гуань Яня было сосредоточено на Тан Цюе, и он не услышал слов постороннего.

Чжан Юн скрестил руки на груди. Этот парень явно хотел привлечь внимание Гуань Яня, и он не мог позволить ему войти, чтобы доставить неудобства их маленькому Цюю.

— Это она, но учитель Гуань и учитель Тан сейчас заняты гримом и не могут вас принять. Если что-то нужно, можете сказать мне.

Парень был недоволен, но раз он уже так явно показал свои намерения, а Гуань Янь не вышел, то даже если он будет кричать, это будет бесполезно и только вызовет насмешки.

— Ничего особенного, просто режиссер прислал меня спросить, готовы ли вы?

Чжан Юн ответил:

— Вернитесь и скажите режиссеру, что скоро будет готово.

Затем он закрыл дверь.

Увидев закрытую дверь, выражение лица Чэн Линя стало злобным.

Кто такой Тан Цюй? Как он посмел пользоваться одной гримерной с Гуань Янем? И как этот человек мог так бесцеремонно обращаться с ним!

Нет, во время съемок он обязательно проучит Тан Цюя, чтобы Киноимператор Гуань Янь увидел его настоящие способности.

Сегодня снимали сцену, где Девятитысячелетний приводит Первого Принца обратно во дворец, после смерти императора. Облаченный в роскошные одежды, Тан Цюй выглядел особенно величественно, как настоящий аристократ, но именно этот человек был тем, кого боялся весь город.

Отличить Девятитысячелетнего от Тан Цюя было просто: достаточно было одного взгляда.

Тот, кто видел весь мир и оставался бесстрастным, был Девятитысячелетним, а тот, кто был полон энергии и хитрости в глазах, был Тан Цюем.

Они вышли из гримерной и направились к месту съемок.

Сердца сотрудников на пути учащенно забились. Боже! Чьи это сыновья? Как их отпустили?

«Есть благородный муж, словно нефрит, шлифован и точен».

В головах всех одновременно возникла одна и та же мысль.

Эти двое были живым воплощением аристократов!

Режиссер уже видел их уровень:

— Снимаем одним дублем, без пересъемок!

Тан Цюй и Гуань Янь посмотрели друг на друга:

— Режиссер, вы слишком уверены в себе.

Режиссер сделал вид, что не слышит. До сих пор он жалел, что во время первого появления Тан Цюя сняли только одну сцену. Если бы он оставил больше времени, сколько бы средств сэкономил!

Актеры заняли свои места, съемки начались.

— Император скончался!

Пронзительный голос евнуха разнесся по всему дворцу. После смерти императора сановники больше всего были озабочены тем, кто станет новым правителем. В этот момент каждый из них проявлял свои мысли, выбирая сторону и служа своему господину.

Притворно пролив несколько слез, один из молодых сановников не выдержал и первым заговорил:

— Господин Шунь, государство не может оставаться без правителя ни на день. Не назначил ли покойный император преемника?

Как только эти слова были произнесены, зал, наполненный плачем, мгновенно затих. Даже наложницы перестали плакать, вытирая слезы платками, но их уши были настороже.

На данный момент наиболее вероятными претендентами на престол были Второй Принц и Шестой Принц. Один был любимцем покойного императора, другой — талантлив. Победитель станет правителем, а проигравший — изгоем.

Но господин Шунь лишь сказал:

— Господа, успокойтесь. Покойный император уже все устроил.

Остальные были в замешательстве. Что имел в виду господин Шунь?

— Дзинь~ дзинь~ дзинь~

В шуме этот звук был особенно звонким.

Но лица всех, кто стоял на коленях, изменились. Даже Второй и Шестой Принцы выглядели более серьезными.

Вошедший был одет в белые одежды, ему было около восемнадцати лет, и с каждым шагом на нем звенели серебряные колокольчики.

— Приветствую Девятитысячелетнего!

Это был Фу Елю, сыгранный Тан Цюем, которого лично назначил покойный император. Его статус был очевиден.

Фу Елю не смотрел на них, подойдя к кровати покойного императора, он трижды низко поклонился, а затем выпрямился.

Следовавший за ним человек поспешно достал из груди указ и громко зачитал:

— Последняя воля императора!

Остальные, забыв о Девятитысячелетнем, поспешили выслушать.

Но после прочтения указа все были в замешательстве! Второй и Шестой Принцы, которые боролись друг с другом более двух лет, оказались обмануты! В указе было указано, что престол займет Первый Принц, который был изгнан сразу после рождения!

— Дерзкий Фу Елю, ты посмел подделать указ!

Второй Принц указал на Фу Елю, не веря своим глазам.

Другие сановники также поддержали его. Один из старейших сановников, глядя на Фу Елю, сказал:

— Девятитысячелетний, как ты можешь оправдать доверие покойного императора?

Перед лицом обвинений сановников Фу Елю оставался невозмутимым. Он лишь взглядом дал знак другому слуге.

Тот, получив приказ, достал половину военного знака.

Увидев знак, все сановники побледнели. С древних времен тот, кто владел армией, владел властью. Видимо, Девятитысячелетний твердо решил поддержать Первого Принца. Но это было еще не все. Евнух, зачитавший указ, поднес его к каждому сановнику, и почерк покойного императора был легко узнаваем. Теперь сановники окончательно потеряли надежду. Если бы они сейчас усомнились в Девятитысячелетнем, это было бы равносильно сомнению в покойном императоре.

Второй Принц, увидев, как почти достигнутая цель ускользает, был охвачен гневом, который мгновенно лишил его рассудка. Он выхватил короткий меч и бросился на Фу Елю.

Слуга, державший военный знак, отбросил Второго Принца на три метра.

— Покойный император скончался, Второй Принц, вы слишком опечалены. Лучше вернитесь в свои покои и отдохните.

Легкой фразой Фу Елю определил судьбу Второго Принца.

Одним ударом он показал пример, и остальные не посмели сказать ни слова. Что могли сделать эти сановники перед военной силой, кроме как покориться?

Старый канцлер, как опытный сановник, был более гибким:

— Девятитысячелетний, Первый Принц находится в далекой ссылке. Государственные дела не могут оставаться без управления ни на день. Возможно, стоит временно выбрать одного из достойных принцев для управления страной.

Когда Первый Принц вернется, все в столице изменится, и какие бы способности ни были у Девятитысячелетнего, они будут бесполезны.

Едва слова старого канцлера затихли, как Первый Принц ворвался, словно ветер:

— Отец!

Его голос был полон отчаяния, и все в зале вздрогнули.

Фу Елю посмотрел на старого канцлера:

— Я выполнил поручение покойного императора и вернул Первого Принца в столицу.

На этом съемки закончились.

Все в съемочной группе знали о способностях Тан Цюя и Гуань Яня, поэтому остальные актеры заранее отрепетировали свои роли бесчисленное количество раз. Даже группа реквизита проверила все предметы несколько раз.

Поэтому, когда режиссер просматривал отснятый материал, он не нашел ни одной ошибки. Такая длинная сцена, и все актеры справились с первого дубля.

Режиссер, сидя в кресле, едва сдерживал улыбку. Если и дальше будет такая эффективность, фильм скоро завершится.

Однако последующие съемки разрушили эту прекрасную мечту режиссера.

Эта сцена была очень простой — заговор слуги и наложницы, но уже сняли три дубля.

— Чэн Линь! Что это за выражение лица? Я просил тебя сыграть слугу, не любовника!

Режиссер не ожидал, что эта сцена, длящаяся несколько секунд, займет почти полчаса.

— Простите, режиссер.

Актриса, игравшая наложницу, уже устала.

Режиссер это заметил:

— Учитель Хань, отдохните, я позволю Чэн Линю еще раз попробовать.

Режиссер огляделся и увидел, что свободны только Гуань Янь и Тан Цюй, поэтому он обратился к Тан Цюю.

В основном потому, что он не осмеливался обратиться к Гуань Яню. С таким, как Гуань Янь, Чэн Линь наверняка больше никогда не осмелится играть.

<http://bllate.org/book/16733/1560960>